Произведения лауреатов и дипломантов Межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалей, поэт. 2020» - Сопричастность

Номинация «Сопричастность» 2020

Шамсутдинова Марина Сагитовна (персональный номер участника - 118)
Беляева Зоя Игнатьевна (163)
Шилкин Сергей Васильевич (152)
Бикметова Рашида Шамуратовна (Рашида Бик) (86)
Мавлиханов Рустам Ризаевич (Рустам Будда Мавлиханов) (228)
Славнова Людмила Геннадьевна (106)
Савицкий Константин Константинович (114)
Смирнов Михаил Иванович (66)

Первое место (золото) и звание лауреата **Шамсутдинова Марина Сагитовна –** родилась в Иркутске. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького (мастерская Станислава Куняева). Лауреат поэтической премии им. Юрия Кузнецова,неоднократный победитель фестиваля «Славянские традиции». Член Союза писателей России. Член Союза писателей Крыма. Живёт в городе Щёлкино. Крым.

Масбиха

Моей бабушке, Масбихе Селимовне

Золотая Орда и донская степная весёлость
В мою душу запали тяжёлым и сытным зерном.
Где могилы мои, где черта, под которой осёдлость,
И в какой стороне настоящий бревенчатый дом.

Дождевые ручьи намывают у хаты ракитку,
На донском солнцепёке лениво лежат кавуны,
Вятский прадед Петро в небытье колыхал мою зыбку,
Растворяясь бесследно в горниле Великой Войны.

А мой прадед Селим подарил за меня кобылицу,
Чтоб женой его стала святая башкирка Айну.
Чтобы холить её, ублажать, как глазастую птицу,
А пришлось накормить своим мясом Ворону-войну.

Сирота – вот какая у бабушки национальность,
Деревенский детдом, хлеб из липы, салат из травы,
Никому не нужны ни талант, ни её музыкальность,
Дети ищут картошку среди полусгнившей ботвы.

Масбиха, моя бабка, звалась незатейливо – Маша,

Переводчица с русского в диком башкирском селе,
Даже поле ромашек ей виделось манною кашей,
И от голода снились тарелки бараньих котлет.

Язычок, словно бритва, срезал деревенских нахалов,
Здесь никто не подарит охапки тургеневских роз,
Нормировщица, рубщик – призёр лесосплавов,
Получила на выбор Педи-Вари и Туберкулёз.

Трёх детей родила, и чахотка её не скосила,
Штукатурила, мыла, стирала соседкам бельё,
С прибауткой жила, в ней скрывалась певучая сила,
Первой внучке – Марине дарила уменье своё.

На добро отвечать широтою души, до отказа,
Поделиться последним, за слабого голос подать,
Не бояться молвы и худого поклёпа и сглаза,
Беспокойную душу с рассветом пускать полетать.

А потом возвращаться в такое обычное тело,
Снова нянчить и мыть, между делом молитву творить,
Не проснулась однажды, как птица, в зенит отлетела,
Чтобы правнучке Вареньке душу и мир уступить.

Пусть и в ней прорастёт вся казацко-степная порода,
Милосердие бабушки, дедова тяга к вину,
Виноградник подвяжем и вновь нарожаем народа,
Только горько и страшно, а вдруг уходить на Войну?

Богатырша

Величественна на коне былинном,
Ты тоже женщина, красава-богатырша!
В холодном поле, жёлтом и полынном,
Не ветер воет – ледяная крыжа.

Тебе бы стать поменьше, может, вдвое,
Прижавшись к крепкому плечу мужскому.
Но не родился на земле тот воин,
Чтоб ровней быть, – и ты идёшь к другому.

Он встанет на пуанты и котурны,
Тебе подаст с дороги чай с малиной.
Они наивны и миниатюрны,
А ты в походе, на коне былинном.

Сбежит и этот – переплавит латы
На сто колец и дюжину серёжек

И будет жить уныло до зарплаты,
Когда в бою ты вырвешь меч из ножен.

Что такое Россия

Что такое Россия? Россия – надежда.
Камуфляж надевает – не в блёстках святые одежды.
И в бою с чёрным злом век за веком Россия одна.
Но отступит она – остальным ни покрышки, ни дна:
Методично раздавят весь мир по славянскому гену,
Чучела из людей и музеям – по фольк-манекену.
Что такое Россия? Россия – молитва,
Та, короткая, горькая, если последняя, битва.
Враг хитёр и силён, только мёртвые сраму не имут.
Но пока живы мы – Россию у нас не отнимут.

Глаза прадеда

В «Бессмертном полку» мы не нация,
Мы живая реинкарнация.
У правнука глаза прадеда,
Его же суровая стать.
Жизнь свою проживи правильно,
Чтоб таким же бессмертным стать.

***

Люди Ангельского возраста,
Согреваете меня.
Пусть вас сравнивает с хворостом
Молодёжь другого дня.

В голубые, поднебесные
Я глаза смотреть боюсь.
Ведь совсем небесполезные –
Ваши «восемьдесят плюс».

Второе место (серебро) и звание лауреата **Беляева Зоя Игнатьевна** (стихи) – родилась в селе Верея Орехово-Зуевского района Московской области. Семимесячным ребёнком была привезена в Калининградскую область. Окончила филфак Калининградского госуниверситета. Член литературного объединения «Вдохновение» города Багратионовска. Живёт в поселке Долгоруково Багратионовского района Калининградской области.

Третье место (бронза) и звание лауреата **Шилкин Сергей Васильевич** (стихи), г. Салават, Башкортостан.

Звание дипломанта **Бикметова Рашида Шамуратовна (Рашида Бик)** – родилась в городе Ташкенте. Вернулась с родителями на родину в 1966 году. Окончила школу в городе Салават. Затем переехала в Уфу, где живёт до настоящего времени. Лауреат и дипломант многих литературных конкурсов.

Член Союза писателей России и Башкортостана.

День Победы – священный праздник

В этот день, как никогда,
Мы вспоминаем те года,
Страну в пылающем огне,
Героев, павших на войне, –
Всех тех, кто сквозь огонь и беды
Ковал и приближал Победу.
И в памяти грядущих поколений
Останется навеки, без сомненья,
Великий подвиг нашего народа
Во имя Родины, её свободы!
Трагедии подобной не допустим!
Сквозь слёзы радости и тени грусти
В душе народной не погаснет
Великий день, священный праздник!

Страна моя, твои мы дети

Россия – храм божий! Русь наша святая!
Ты славная, милая, сердцу родная!
С далёких времён тебя жгли, угнетали,
Но дух россиянина крепче был стали!
Ты братскою дружбой сплотила народы.
Пусть дружба продлится на долгие годы.
Ни с чем несравнимое чувство к Отчизне,
Что в сердце храним мы в течение жизни.
Дорогою светлой шагаем мы к цели,
Преграды, все трудности преодолеем.
Во блага народов любимой России
За мир и за счастье сплотим наши силы.
Твои луговины, дубравы, озёра,
Синь рек полноводных, высокие горы.
Дороже земли нет на свете и краше,
Чем всеми любимая Родина наша!

Страна моя, твои мы дети!
Мы за тебя всегда в ответе.
С тобой нам жить, тебя любить,
От бед и зол тебя хранить!

Мы подвигам дедов верны

Как нам сберечь мир этот?
Как сохранить планету?
Давайте же землю любить
И жизнью людей дорожить!
Пусть счастье будет для всех,
Пусть раздаётся лишь смех!
Нет нам страны дороже,
Россия, храни тебя, Боже!
Необозримый простор,
Величье Отеческих гор.
Здесь наш родительский дом,
Люди родные кругом.
Не предадим забвенью
Старшие поколенья!
В годы Великой войны
Ради любимой страны,
Шедших на явную смерть,
Память о них не стереть!

Сквозь время и сквозь года,
Нам не забыть никогда
Героев Великой войны.
Мы подвигам дедов верны!

Кодекс чести

Попал в окруженье отряд мой под сопкой,
Один я остался в строю.
За землю родную готов я погибнуть,
И честь я свою сохраню.
Был с детства я верен любимой Отчизне.
Присягу я Родине дал.
Гордился мундиром и чином по жизни,
И с честью свой долг выполнял.
Россия родная, простор необъятный!
Здесь корни мои и семья.
С любовью к тебе на земле благодатной
Мужают мои сыновья!

Люблю тебя, моя Россия!
Твоя судьба мне дорога.
Непобедима и всесильна!
Не разлучить нас никогда.

Он не вернулся с поля боя

Он не вернулся с поля боя
Товарищ мой из Подмосковья.
Четыре года шли к победе,
И вот не стало дяди Феди.
Нашёл его я на пригорке.
Вокруг полынью пахло горькой.
Блестела капелькой роса.
С тоской смотрел он в небеса.
Смахнул я хлынувшие слёзы.
Со мною плакали берёзы.
Огнём земля опалена.
Что ж ты, наделала, война?
Сдружились мы за годы эти.
Я рад был очень, друга встретил.
Бывало вместе шли в разведку.
Стрелок он был довольно меткий.
В блиндаж тащили языка,
Крушили насмерть мы врага.
Он пал в бою, пал, как герой!
Уснул навек, товарищ мой.

Звание дипломанта **Мавлиханов Рустам Ризаевич (Рустам Будда Мавлиханов)** (малая проза) – родился в 1978 году г. Салават. Публиковался в журналах, альманахах и литературных еженедельниках России. Путешественник. Живет в г. Салавате. Башкортостан.

Прощение

Мне нравилось видеть её лицо. Даже по утрам. Отёкшее после бессонной ночи, с отпечатком складок подушки на щеке, с мешками под глазами цвета чухонского неба, с льняной прядью, прилипшей к тонким, приопущенным в уголках, губам маленького, кукольного рта – оно все равно оставалось для меня родным. Мне нравилось смотреть, как она вставала, хлопала себя по лицу, разгоняя кровь, брала со стола стакан со вчерашним чаем, оставлявшим плотный коричневый налёт на стенках, выпивала его залпом, шла, поскрипывая половицами, к умывальнику с ледяной водой, потом поднимала голову, непонимающе смотрела в отражение: «Кто ты?», - наконец, вспоминая, ухмылялась ему, приговаривая каждый раз: «Ну чё, привет, новый денёк», после долго расчёсывалась гребнем, свивала косу, укладывала её вкруг головы, оправляла одежду, снимала крышку с тарелки с остывшей картошкой, поливала её горячим маслом, брала из кучи в углу книгу – обычно это была или Библия, и тогда она её читала страницу за страницей, увлечённо пережёвывая завтрак, или открывала на любимой главе «Воскресение» Толстого, застывала на одном листе, запускала обе пятерни в волосы и беззвучно шептала: «Ма, ма, мама-ма-ма-мамамама».

Мне нравились эти мгновения, когда даже мыши в подполе затихали под стук настенных часов, а ветер, бессильно отбившись в стекло, улетал шуметь соснами на песчаном яру, – недолгие минуты тишины под потрескивание огня в двустворчатой печи и полешек, изъедаемых древоточцами. В какой-то момент раздавался надсадный металлический хрип кукушки, затыкаемый летевшей в неё

книгой, и, пунктуальный, как немец, в дом входил он – чёрные усики, прожжённая шинель, глубоко посаженные глаза – доставал из-за пазухи четверть мутной зубровки, поливал по стаканам, выпивал, закусывал луковицей, кряхтел и задавал риторический вопрос:

– Не спишь?

Она исподлобья, поблескивая волчицей, смотрела на него и отвечала:

– Тебя жду.

– Что ты так кочегаришь? – спрашивал он, поводя плечами, но не снимая одежду.

– Мёрзну, – огрызалась она.

– Согреть?!

– Что надо?!

– А ты тройку не гони, культурная, нимб слетит от ветра! – рычали Чёрные усики, впечатывая кулак в столешницу, доливали её стакан до краёв и командовали: – Пей! Работа ждёт!

Она послушно проталкивала глотки в горло – он жадно смотрел на её шею, – грохала стакан об стол:

– Опять?

– Снова! Ты не бузи, зарплату получаешь – трудись! Труд делает свободным, - смеялся он жёлтыми зубами. – И не гони на меня! Я тоже, понимаешь, художником был, между прочим! Какие картины писал, ух! Смирись уже! Бог мир таким сделал и нас в нём жить заставил! – вскакивал он, отшвыривая табурет.

– Женишься на мне? – прерывала она поток его умствований.

– Женюсь, Ташенька, женюсь! Вот те крест! Посмотри, что я принёс!- он выворачивал вещмешок, оттуда сыпались кофточки, блузки, заколки, цепочки: – Во! Смотри какой!

Таня дрожащими руками брала очередного плюшевого медведя, утыкалась в него курносым личиком, шептала: «Здравствуй, милый. Я назову тебя Лёлем», сажала его в угол и спрашивала напарника:

– А белое платье? Хочу белое платье!

– Будет! С другой партии обязательно будет! – заверял он её блеском карих глаз, падая на колени: – Таша! Ташечка, Ташуля! Всё будет хорошо!

– Дурачок ты, Тоша! («Меня Слава зовут» – «Плевать!») Глупенький, – она гладила его натренированными пальцами, напевая: «День погас, и в золотой дали/ Вечер лёг синей птицей на залив».

Слава-Антон затихал, слушая её преобразившийся голос, потом нехотя вставал, говорил:

– Пора. В Клепачицах террорюков заловили, тамошних и озерковичских гонят на акцию.

– А что, сами не могут? Или соляра кончилась?

– Ты ж знаешь этих… они не мараются.

– Сколько брать?

– Три обоймы хватит, – отвечал он, протягивая браунинг ха-пэ тридцать пятого года.

– Ну что, пойдём до крапивы сводим, – говорила Татьяна, заканчивая снаряжать три по тринадцать магазина.

И снова наступала тишина. Мне не нравилась эта тишина, когда мыши, обнаглев, выбегали доесть крошки со стола, когда кукушка нудно куковала полдень, когда псы заливались за окном, скрипел снег или чавкала грязь от множества шагов и ветер шумел в соснах, прорежаемый звуком частых одиночных выстрелов.

После взвизгивала дверь в сенях, они вваливались, разгорячённые, краснощёкие, в избу, кидались к столу, жадно пили, оттирали передо мною кровь с рук, Таня говорила, что жутко замёрзла и никак не может согреться, Антон грел её отчаянно на скрипучем топчане под приговоры «Любимый, делай это, делай, скотина, бери, тварь, бери, бери!», их рычание становилось хриплым и тяжёлым, она снова начинала его ненавидеть, ненавидеть этот запах, ввалившиеся глаза, чёрные усики, царапала до крови эти острые скулы, он грозился удавить её, как гадюку, и удавиться самому, она гнала его чистейшим матом, он пулей вылетал из дому, проклиная стерву и вышибая ударом двери штукатурку со стен, она падала на свою лежанку и вонзала бледный взгляд в дрожащую у потолочной балки паутинку.

Я любило эти обессилевшие руки, это неровное дыхание. Я любило Татьяну.

Годы прошли, и я всё так же живу с нею. Каждое утро она подходит ко мне, приглаживает седые кудри, зовёт к завтраку внучек и больше никогда – никогда! – не спрашивает у меня своё имя, лишь зажигает толстую свечу и быстро твердит: «Приими милостию Твоею и всех внезапу преставльшихся к Тебе рабов Твоих Димитрия, Антона, мужчину в клетчатой кепке, Светлану, Кирилла, женщину в зелёном пальто, Виктора, Василия…», и они приходят, один за другим, сотня за сотней, смотрят в тонкие губы, перечисляющие их имена, и ждут её в моём серебряном сумраке.

Ждут, прощая эти выцветшие глаза, похожие на больное чухонское небо.

Звание дипломанта **Славнова Людмила Геннадьевна** (стихи) – окончила Читинский пединститут, филфак. Член литературного объединения «Вдохновение» города Багратионовска. Член Союза писателей Ассоциации литературных объединений Калининградской области. Живёт в городе Багратионовск Калининградской области.

****

Мы праздник Победы страной отмечаем.
Великой Победы в смертельной войне!
И мы благодарны живым ветеранам,
Кто смог устоять в этой страшной борьбе!
Они для нас – символ великого духа,
В них – доблесть и мужество, патриотизм!
Они – наша гордость! Бессмертен их подвиг!
И в праздник Победы все почести им!
В кровавой войне отстояли свободу,
Россию свою от врагов сберегли.
Не все возвратились домой с поля боя:
За Родину жизни отдали свои.
Но помним мы всех! В этот день, ветераны,
Погибшие тоже на праздник пришли.
Бессмертный их полк, прошагал рядом с нами.
Мы помним их всех! Не забыты они!

Свято верили все, что одержим победу

Сколько дней и ночей ожидали победу.
Сколько горя, нужды пережили в войну.
Но не хныкал никто, умирать не хотели,
До последнего вздоха защищали страну.
Трудно было в тылу. Всё – на фронт, для победы.
Даже дети трудились до поздней поры.
Свято верили все, что одержим победу,
А иначе и думать совсем не могли.
Годы шли, пережили и голод, и холод.
Помогали друг другу беду перенесть.
Сколько в годы войны потеряли народа,
Разве можно погибших в войну перечесть?
Сорок пятый. Весна, Наконец – то Победа!

Фатыху Кариму

Невзрачная, тоскливая немецкая земля,
Ты в сорок пятом была местом боя.
Как ненавидели бойцы тебя!

Навечно многие остались здесь с тобою.
В Восточной Пруссии – жестокие бои.
Бойцы от вражьей пули погибали,
Но с большей яростью все в наступленье шли
И страха на войне уже не ощущали.
Февраль и слякоть, холод на дворе.
В окопах – мокрые, усталые солдаты,
Согреться негде, враг вокруг везде,
В руках бойцов – винтовки, автоматы.
Фатых Карим сражался в тех краях.
В короткие минуты передышки
Он о сражениях писал в стихах,
О страшных ужасах писал не понаслышке.
Жене он часто письма отправлял
На маленьких оборванных листочках
«Пока ещё живой», – всегда писал
И беспокоился о доме и о дочках.
Он понимал, что будет страшный бой
И для него он может стать последний.
И вновь писал: «Пока ещё живой».
И так мечтал, что будет бой победный.
«Я не могу не мстить за Родину свою,
За слезы матерей, детей осиротелых,
Ни шагу я в бою не отступлю
И буду бить фашистов озверелых».
«Невзрачная, тоскливая немецкая земля», –
Так написал Фатых в одном из писем.
Здесь жизнь его война оборвала,
Но мы о нём в его стихах услышим.

Звание дипломанта **Савицкий Константин Константинович** (стихи) – родился в Белоруссии. В 18 лет ушел служить на Балтийский флот и остался в Калининградской области. Подполковник милиции в отставке. Член литературного объединения «Вдохновение» города Багратионовска. Член Союза писателей Ассоциации литературных объединений Калининградской области. Живёт в городе Багратионовск Калининградской области.

Ностальгия

Много лет пронеслось, много зим,

Как оставил сторонку родную.
Что так сердце болит, что так ноет душа,
Одно слово всему – ностальгия.

Вот деревня моя, мой родной Островок,
Где родился, вздохнул я впервые.
Не гони мой «мотор», успокойся душа,
Виновата во всем ностальгия.

Беловежье мое, сосны ввысь до небес,
А какие места там грибные,
Вот рвануть бы туда, побросав все дела ,
Куда кличет меня ностальгия.

Песни тех партизан, защищавших страну,
Они в наших сердцах как живые,
Дорогие мои, вам спасибо за все,
Как и я, ты в слезах ностальгия.

Мой красавец, мой Брест, город – крепость-герой
Здесь фашистов ты встретил впервые.
И тогда понял враг, не сломить им народ,
Помолчим же с тобой, ностальгия.

Далеко, далеко слышен траурный звон,
То Хатынь нам кричит: «Мы живые».
Чем я дальше сейчас от родной стороны,
Тем сильнее во мне ностальгия.

Ты поднялась с руин, дорогая земля,
Ты из пепла восстала красивой!
Как же надо ценить и любить тебя всю?
Подскажи же ты мне, ностальгия.

Человек на земле не готов усидеть,
Его носит по свету в порыве,
Но к родной стороне, где родился и рос,
Должна звать и тянуть ностальгия.

Дорогая земля, ты моя Беларусь!
Мчусь на крыльях к тебе, и пою я.
Ты останься пока, на чужой стороне,
Не со мной ты сейчас, ностальгия.

Низко кланяюсь я, дорогой мой народ,
Весь в долгу пред тобой, тебе песню пою я.
Пока жив и дышу я на грешной земле
Будет вместе со мной ностальгия.

Мама

О, как люблю я свою маму,
Её никем не заменить.
Она и в радости и в горе,
Нам не порвать рожденья нить.

Когда мне плохо, она рядом,
Когда в пути, она со мной.
Встречает, провожает взглядом,
Родная мама, я с тобой.

С тобой с рожденья и навеки,
Всем телом, сердцем и душой,
В слезах глаза мои и веки,
Когда один и не с тобой.

Нет выше счастья, когда с мамой,
Родной, любимой и своей.
Тогда иду по жизни прямо,
Вперед, все выше и смелей

Звание дипломанта **Смирнов Михаил Иванович** (малая проза) – родился в 1958 году в городе Салават. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Лауреат Международной премии «Филантроп» за выдающиеся достижения инвалидов в области культуры и искусства, а также ряда других значимых международных премий. Член Товарищества детских и юношеских писателей России. Сейчас готовит документы для вступления в Союз писателей России. Живёт в городе. Салават, Башкортостан.

Внутри рассвета

Много лет прошло с тех пор, когда я впервые попал на Ивановские обрывы.

Помню, меня удивило, что сюда приезжали одни и те же рыбаки, причём не все ловили рыбу, иные просто сидели по берегам на травяных полянах, о чём-то разговаривали, бесцельно и бездельно бродили среди подлеска, – такое поведение не свойственно рыбакам, большинство из них всё же добытчики, к созерцательности не очень-то склонные. Между тем раз за разом я наблюдал именно такую картину: сидят дядьки у костров часами, словно заворожённые… Словом, какая-то магия была у этих мест.

Околдовали они и меня.

Зачастил я сюда.

…Тихо шуршали шины по мягкой земляной дороге, вьющейся среди полей с ровными грядками изумрудных озимых. Из предутренних сумерек свет фар изредка выхватывал неподвижные жёлто-коричневые столбики сусликов, торчавших по обочинам. Тонко и сладковато пахло пылью.

Машина остановилась недалеко от крутого спуска в просторную долину. Брат включил дальний свет – невдалеке появились очертания десятка старых домов, беспорядочно разбросанных по низине. Там и сям пепельно светились тропинки, по одной деловито спешила собака по своим собачьим делам. Я уже знал, что многие дома осиротели, заброшены, заколочены, зарастают вездесущей крапивой и татарником. На иных и крыши просели, обнажив стропила, похожие в сумраке на рёбра неведомых чудовищ. Повсюду буйно цвела сирень, словно желая своей дикой красотой скрыть убогость брошенного жилья. Покосившиеся, поваленные заборы открывали надворные постройки, тоже шаткие, притулившиеся друг к другу, чтобы окончательно не упасть и не рассыпаться.

Журавль колодца сиротливо торчал на обочине, ведро на серебрящейся цепи поблёскивало – значит, есть в деревеньке люди, и жизнь теплится.

Я открыл окно в машине, ворвался аромат сирени и земли, – видимо, тут недавно узкой полосой прошёл дождик. Кругом запустение, необжитость, но земля так же призывно пахнет, словно зовёт к себе живых. Меня всю жизнь восхищает запах сырой земли.

Мы медленно спустились вниз. Лучи фар выхватили из слабеющей тьмы избу: в окошке мелькнул и тут же исчез багровый огонёк лампадки в красном углу. Сердцу стало тепло: ещё одно подтверждение, что жизнь не окончательно покинула эту деревеньку.

Сразу за околицей открылась река. Запахло водой и речными травами, дымом костров. Галечная коса реки. Невдалеке по сторонам долину обрамляют тёмные стены, это и есть Ивановские обрывы. Видимо, поэтому возникает ощущение замкнутого, но уютного пространства.

Брат суетился, загремел багажником, принялся доставать наши рыбацкие причиндалы.

– Не шуми пока, а? – попросил я его. – Давай просто посидим, посмотрим.

Брат глянул с удивлением:

– А чего сидеть-то? Утро короткое, так всё и просидим.

Потом пожал плечами, словно поняв меня:

– Ну ладно. Посидим…

Но сам принялся устанавливать катушки на спиннинги и удочки.

Странное, слегка тревожное, но и восторженное чувство охватывает человека, когда он оказывается в теснине предутренней полутьмы. Помигивают последние высокие звёзды, холодные волны речного ветра скользят по телу, хочется вдыхать и вдыхать тонкие ароматы воды, трав, тумана. Человек, маленькая пылинка природы, из праха пришедший и в прах возвращающийся. В такие моменты чувствуешь невыразимую горечь неизбежности расставания со всей простой прелестью окружающей природы. Протестует ум человеческий, но душа радуется отпущенному присутствию в этом утреннем мире. И полнится душа благодарностью к природе и скромным, но драгоценным дарам её.

Я сидел на сырой траве, стараясь уследить каждое колебание камыша, осоки, таяние остаточных клочков тумана, всматривался в открывающуюся гладь реки, по которой смутными подвижными дорожками легли отблески костров, надеясь увидеть прогон щуки или жереха. Чуть доносился говор рыбаков, позвякивали их котелки и кружки. Разговорился и картавый перекат. Бух, бух, бух! – рыбаки начали бросать в воду шары прикормки.

– Вон, мужики уже вовсю… – проговорил брат недовольно. – А мы всё чего-то смотрим и смотрим. Чего тут смотреть?

– Природу, – вздохнул я, и обвёл рукой окоём, словно был хозяином его.

– А чего её смотреть-то? – повертев башкой, пробурчал брат. – Природа она и есть природа. Никуда не денется. А утро пройдёт.

…И то правда, брательник. И утро пройдёт, и мы пройдём, а природа останется.

Сумерки превращали прибрежные кусты в пришедших на водопой горбатых животных. Недалеко длинный остров, поросший осокорями – они тоже превратились в рать грозных великанов, стерегущих реку. По мелководью с беспорядочными всплесками, хлопая пастью, наконец-то пронеслась неловкая щука, преследуя верховую рыбку. И сердце мое сдалось:

– Да, пора, пожалуй, – сказал я брату.

– Давно пора, – недовольно пробурчал он.

– Место-то, брательник, не ахти какое рыбное. Куда спешить?

Брат напялил рюкзак, собрал удочки в пук.

– Как хочешь, а я пошёл. Если не рыбное, так зачем ты решил сюда поехать? Можно было под Соморовку, там омута настоящие.

Что мне было ответить брату? Соморовские омута, конечно, знаменитое место, никто не спорит. Только уж очень мрачно там, близкие крутые берега очертенело позаросли непроходимым лесом, на омутах всегда темно, даже днём. Не люблю, брат, я теперь эти знаменитые омута, хотя было время, сам ловил там трёхкилограммовых сазанов.

– Иди, иди, – сказал я. – Скоро спущусь к тебе.

– Чудной ты стал, Мишаня, – сказал брат. – Другой бы ещё по темноте уже был бы на берегу, а ты…

И – ушел бодрой походкой к реке. А я всё сидел на земле, над рекой и внутри рассвета.

Оповестил в деревне о себе первый петух. Тут же началась их перекличка. Слабенько проблеяли козы, мыкнула корова, – наверное, пастух идёт по деревне, собирает стадо.

Из-под обрыва вылетела стая ласточек и понеслась над рекой, некоторые задевали воду, оставляя на ней тонкие штришки, усы. Дух, дух, бух! – опять «бомбили» рыбаки на той стороне. Наверное, не клюёт.

Внизу у воды вовсю пылал костёр. Молодец, брательник, на рыбалке костёр – главное дело.

А я сидел и осматривал окрестности – в рассвете всё меняется на глазах. Счастливо успокаивалась душа, – всё суетное, насущное забылось и отлетело. И я стал частью утра.

Вот, наверное, в чём разгадка любимых моих Ивановских обрывов, – вот в чём магическая привлекательность этого места и причина моей любови к нему: именно тут мне удаётся достичь блаженной гармонии между мной, сирым и смертным и бессмертной красотой природы. Природа, конечно, везде по-разному прекрасна, но у человека, кажется мне, всегда есть именно то «окно», то любимое место, река, опушка, долина, где он лучше всего ощущает её: вспомните свои самые длительные путешествия: и перед внутренним взором предстанет какой-то конкретный уголок, где все предметы – растения, камни, ручей, и облако над ним сложились в единственную незабываемую гармоничную композицию. Это и есть твоё окно в природу, человек суетный.

Добавить комментарий

Комментарии